
Алхимик на зарплате
Как я перестала ждать знаков и завела блог
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Лера Алма Рун

Лера Рун

Алхимик на зарплате: Как я перестала ждать знаков и завела блог

https://litres.ru/74915384
SelfPub; 2026

Аннотация

У Алхимик есть мастерская: стол, ступка, колода с выцветшей лентой, пучки шалфея над головой — и тетрадь,в которую удобно переписывать неприятности красивым почерком. Годами она объясняла подругам чужое молчание так убедительно, что людям становилось жалко его нарушать. Пока однажды не заметила:в собственном месте все эти объяснения занимают ровно то же самое — заменяют еде, сну и прямым вопросам.

Всё меняет не великое посвящение, а скучный вечер с недоеденным бутербродом и приложением банка. Вместо расклада «почему он молчит» Алхимик заводит блог «Опять ретроград» — место,где эзотерика сняла белые одежды просветления, надела чёрный худи и сказала то, о чём вежливые астрологи молчат. Здесь нет «денежных восьмёрок» и обещаний, что бывший напишет к пятнице.

Это книга о том, как перестать украшать ожидание и начать жить внутри собственной головы, а не чужой. С юмором, гречкой из вчерашнего контейнера и часами, которые отстают на семь минут, — и всё же предупреждают честнее любого транзита

Содержание

Глава 1 5
В тот вечер ничего не предвещало просветления 5
Глава 2. 14
Чужое молчание и мои выдающиеся способности его объяснять 14
Глава 3. 27
Почему я всё-таки открыла ВКонтакте 27
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Лера Алма Рун
Алхимик на зарплате: Как я перестала ждать знаков и завела блог

Глава 1

В тот вечер ничего не предвещало просветления

Внимание: эта книга — художественное произведение, а не справочник по астрологии, таро или психологии. Описанные в ней практики (карты, руны, свечи, транзиты) не являются научно подтверждёнными методами диагностики, прогноза или лечения. При серьёзных жизненных обстоятельствах — здоровье, правовые, финансовые и семейные вопросы — обращайтесь к соответствующим специалистам. Все персонажи вымышлены; совпадения с реальными людьми случайны.

"...Я завела блог не потому, что однажды проснулась избранной и услышала, как Вселенная шепчет мне пароль от успешного успеха. Вселенная вообще редко говорит что-то полезное. Обычно она оставляет человека без денег, сна и ясного ответа, а потом наблюдает, как тот ищет значение в повторяющихся цифрах. Я завела блог потому, что устала отвечать на один и тот же вопрос: «Он не пишет, потому что боится своих чувств?» В девяти случаях из десяти он не писал, потому что не хотел. В десятом — потому что был занят, растерян или эмоционально не способен на нормальный разговор. Ни один вариант не требовал свечи за две тысячи рублей. Так появилась моя страница во ВКонтакте. Не храм, не школа магии и не кружок сияющих людей, которые никогда не злятся. Просто место, где можно разобрать натальную карту, прежде чем она начнёт разбирать твою жизнь."

Алхимик на зарплате.

В тот вечер у меня закончились деньги, терпение и чистые чашки. Шалфей, как назло, оставался.

Он висел над столом тремя серыми пучками и при сквозняке касался стены. В полумраке это выглядело таинствен-

но. При верхнем свете становилось видно, что под ним осыпается труха, а на стене пора подклеить обои. Верхний свет я не включила.

Сняла ботинки, отодвинула ногой пакет с пустыми банками и прошла к столу, не раздеваясь. Сумку поставила на исписанные листы. Из неё выскользнул чек, зацепился за рукав и упал на пол. Поднимать не хотелось. Там были хлеб, молоко и сумма, которую я уже дважды проверила по дороге домой.

На работе весь день сводили отчёт. К половине шестого выяснилось, что нужны данные из другой таблицы — не из той, с которой мы работали с утра, и даже не из той, которую прислали после обеда. Коллега спросила, сильно ли это меняет дело. Я сказала: «Сейчас посмотрю». Сказала так спокойно, что самой стало противно.

Домой я ехала стоя, прижимая сумку к животу. В автобусе пахло мокрыми куртками. Хотелось, чтобы никто больше ничего у меня не спрашивал, желательно до весны.

В мастерской было тихо.

Я называла так маленькую комнату, которая раньше служила складом для вещей, ещё не заслуживших мусорного ведра. Здесь жили сломанный вентилятор, коробки из-под обуви и сушилка, раскрывавшаяся только наполовину. Когда я решила освободить комнату, оказалось, что почти всё можно выбросить. Остальное поместилось в один шкаф.

Сначала появился стол. Его отдавали за самовывоз; я на-

шла машину, уговорила знакомого помочь, потом неделю отчищала столешницу от чужого лака. Под ним обнаружилось дерево — тёмное, с неровной полосой у края. Я провела по ней ладонью и впервые подумала, что хочу здесь остаться. Потом были полки, ступка с маленькой щербиной, лампа, которую приходилось поворачивать осторожно, придерживая основание. Коробки с бумагой, травами и воском. Карты в потёртом футляре: угол крышки я подклеила изнутри, но он всё равно отставал.

Я действительно любила всё это. Любила перебирать сухие листья над белым листом, отделяя стебли. Нагревать воск, следить, как у края появляется прозрачный ободок. Подбирать бумагу для записей — достаточно плотную, чтобы чернила не проступали с другой стороны. После рабочего дня, в котором результат мог исчезнуть из-за чьего-нибудь нового письма, было приятно сделать вещь и увидеть её на столе.

Никакого великого посвящения у меня не случилось. Я покупала книги, путалась в терминах, выписывала незнакомые слова. Иногда обнаруживала, что автор на двухстах страницах противоречит сам себе, и сердилась так, будто он обещал лично присмотреть за моей жизнью. Однажды испортила воском новую кастрюлю. Несколько месяцев сушила травы, которые потом пришлось выбросить: я слишком плотно связала пучки.

Были и хорошие вечера. Я читала до ночи, забывая про-

верить телефон. Училась различать запахи. Запоминала рисунки на картах, замечала, какие истории сама к ним придумываю. Мне нравилось, что не на всё нужно немедленно находить единственное объяснение.

Потом я научилась находить объяснение чему угодно.

Происходило это постепенно, без торжественного объявления. Сначала я записала рядом с датой тяжёлого дня положение Луны. Потом стала заглядывать в календарь прежде, чем открывать рабочую почту. Если разговор не складывался, искала подходящее описание периода. Если не могла взяться за дело — тоже. Некоторые слова очень удобно носить с собой. Они звучат содержательнее, чем «не хочу», и гораздо приличнее, чем «боюсь спросить».

В мастерской у меня всегда находилась тетрадь, куда можно было переписать неприятность более красивым почерком.

Я расстегнула пальто, но снимать не стала. У окна тянуло холодом. Хотелось горячего чая, и я пошла на кухню искать чашку. Первая стояла в раковине с засохшим чайным ободком. Во второй лежала ложка, прилипшая к чему-то сладкому. Третья обнаружилась за кофейником. Я посмотрела на неё, потом открыла шкафчик — вдруг там за последние сутки появилась ещё одна. Не появилась.

Я вернулась в мастерскую без чая.

На столе лежала тетрадь, раскрытая на записи недельной давности: «Отследить, куда уходит ресурс». Под ней были

аккуратно проведены три пустые строки.

Я села.

Можно было достать карты. Посмотреть, что происходит, почему всё раздражает, откуда эта тяжесть. Взять три карты или одну, чтобы не расползаться в трактовках. Записать первое впечатление, потом уточнить.

Я потянулась к коробке и задела рукавом маленькое блюдце. На нём лежал бутерброд. Утренний. С подсохшим краем сыра и завёрнутым уголком хлеба.

Несколько секунд я смотрела на него, пытаясь вспомнить утро. Чайник кипел, телефон звонил. Нужно было найти пропуск. Я отрезала хлеб, положила сыр, понесла сюда, потому что на кухонном столе сохло бельё — нет, бельё сушилось на стуле, а стол был занят пакетами. Потом пришло сообщение с работы. Бутерброд так и остался лежать возле тетради.

В обед я собиралась выйти за супом. Не вышла: ждали новую таблицу. Кажется, ела печенье из общей коробки. Два или три. Кофе точно пила.

Бутерброд на роль откровения подходил плохо. Он был некрасивый, и от него не хотелось записывать выводы.

Я убрала руку с карт, отнесла бутерброд на кухню и выбросила. Потом сняла пальто.

В холодильнике нашлась гречка во вчерашнем контейнере. Я понюхала её, выложила на сковороду, добавила немного воды и накрыла крышкой. Достала из морозилки овощи.

Пока они разогревались, вымыла чашку. Одну. На вторую я посмотрела без всякой решимости и оставила в раковине. Если уж возвращаться к хозяйству, то хотелось сохранить возможность отступления.

Вода была слишком горячей. Я убавила напор, оттёрла ободок губкой и поставила чашку на полотенце. В кухне зашипела сковорода. Пришлось отвлечься, найти лопатку, подцепить гречку у дна. Несколько зёрен уже успели пристать.

Я ела стоя. Потом всё-таки освободила стул и села. Первые ложки почти не чувствовала на вкус. После нескольких глотков воды заметила, что еда солоновата. Открыла окно на щёлку: в кухне стало душно. Где-то во дворе захлопнулась автомобильная дверь.

Ничего особенного не произошло. Отчёт по-прежнему нужно было переделывать. Денег до зарплаты оставалось мало. Я всё ещё злилась на коллегу за её осторожное «сильно меняет дело?», хотя она была виновата не больше моего шалфея.

Но доесть удалось спокойно.

Я прислонилась к спинке стула и почувствовала, как ноют ступни. Сняла носки, оставившие полосы над щиколотками. Несколько минут просто сидела, глядя на открытую дверцу шкафа.

Потом встала и убрала еду в холодильник.

В мастерскую я вернулась с чаем. Поставила чашку подальше от бумаг, подвинула лампу. В её свете стали видны

пыль на коробке с картами и сухие крошки возле тетради. Я смахнула их ладонью на блюдце.

Запись про ресурс выглядела теперь странно. Мне захотелось зачеркнуть её с нажимом, написать сверху что-нибудь язвительное. Получилось бы вполне в моём духе: сначала не поесть, потом сурово осудить себя за неспособность догадаться.

Я перевернула страницу. Написала: «Сегодня до вечера не ела». Посидела над строчкой, держа ручку у бумаги. Хотелось продолжить: объяснить, почему так вышло, подвести итог, придать происшествию хотя бы небольшой литературный вес.

Вместо этого я закрыла тетрадь. Карты остались в коробке. Не потому, что я вдруг разуверилась в них или разгадала устройство собственного несчастья. В тот вечер мне больше не хотелось ничего уточнять.

Я помыла блюдце, поставила телефон заряжаться и пошла в душ. Перед сном всё-таки открыла банковское приложение. Проверила остаток, посчитала дни. Один платёж можно было перенести без последствий; я поставила напоминание на утро. Потом достала из шкафа контейнер и положила в него еду на завтра.

Из мастерской пришлось принести чашку. Я уже погасила там свет, поэтому вошла с телефоном, подсвечивая стол. Связки трав отбрасывали на стену длинные неровные тени. При дневном свете надо будет убрать под ними.

Я взяла чашку, и экран в руке загорелся. Написала знакомая, с которой мы не разговаривали несколько недель: «Ты не спишь?» Следом пришло ещё одно сообщение: «Посмотри, почему он опять молчит».

Я стояла в дверях, держала тёплую чашку за ручку и смотрела на эти слова. Большой палец уже привычно лёг на поле ответа. Потом я убрала телефон в карман и пошла на кухню.

Глава 2.

Чужое молчание и мои выдающиеся способности его объяснять

Раньше я могла объяснить чужое молчание так красиво, что человеку становилось жалко его нарушать.

Я говорила: «Он сейчас в состоянии внутренней перестройки», — и это звучало гораздо благороднее, чем «он не отвечает третий день». Могла добавить, что у него сложный период, конфликт между желанием близости и страхом потерять независимость, а ещё, возможно, напряжённый транзит, который мешает ему быть последовательным. После таких слов человек обычно кивал. Иногда даже благодарил.

Никто не благодарит за фразу: «Похоже, он не считает нужным вам отвечать».

В тот вечер я как раз собиралась сказать что-нибудь красивое. На столе остывал чай, в раковине лежали две чашки, хотя я жила одна, а рядом с колодой карт сохла связка мяты. В мастерской пахло пылью, воском и чем-то горьким, что я не могла определить. Возможно, полынью. Возможно, моим характером.

Сообщение пришло в половине девятого.

«Ты можешь посмотреть, что у него в голове? Он опять пропал».

Я прочитала его дважды, хотя смысл был незатейливым. «Опять» означало, что мужчина уже исчезал. «Что у него в голове» означало, что Нина — так звали отправительницу — не знала, что происходит, и хотела получить доступ к его внутреннему помещению без стука.

Я написала:— Можешь прислать последние сообщения? Не только свои, если есть его ответ.

Через минуту пришли скриншоты.

Скриншоты всегда выглядят убедительно. В них есть время, имена, галочки, маленькие фотографии людей, которые в этот момент почему-то кажутся почти свидетелями по делу. Переписка на экране создавала впечатление, будто мы действительно держим в руках материалы расследования.

Мужчина написал в понедельник:«Давай созвонимся на неделе. Я хочу нормально поговорить».

Во вторник Нина отправила:«Привет. Ты сегодня сможешь?»

Через три часа:«Или завтра?»

В среду утром:«Я не понимаю, что происходит. Просто скажи, если передумал».

Потом — ещё одно сообщение, удалённое не полностью. В сером поле осталась надпись: «Это сообщение удалено».

Ниже была тишина.

Я увеличила экран. Будто при большем масштабе мог по-

явиться скрытый смысл. Иногда мне кажется, что мы все так читаем переписки: приближаем буквы, изучаем точки, время отправки, длину ответа и надеемся, что в технических деталях обнаружится то, чего человек не сказал.

«Он раньше так не делал», — написала Нина.

Я уже набрала: «Это может быть связано с его страхом близости», — но не отправила.

Положила телефон экраном вниз и пошла ставить чайник. Он закипел почти сразу, хотя я успела забыть, зачем его включила. Это было знакомо: я часто занималась мелкими действиями с выражением человека, который вот-вот поймёт жизнь. Иногда жизнь оказывалась чайником.

Вернувшись, я написала:— Мы можем поговорить, но я не хочу делать вид, что знаю, почему он молчит.

Ответ пришёл не сразу:— Но ты же можешь посмотреть.

Вот она, старая дверь, в которую я столько раз входила с важным лицом. За дверью стояли карты, свечи, символы и моё привычное желание быть полезной любой ценой.

Я действительно могла разложить карты. Могла вытянуть что-нибудь многозначительное: Отшельника, Повешенного, Луну. Особенно Луну. Луна вообще прекрасно подходила к ситуациям, в которых никто ничего не понимал. Она позволяла говорить о скрытых мотивах, иллюзиях, тайнах и эмоциональной путанице. Если добавить к ней Восьмёрку мечей, получалась почти полноценная квартира с запертыми дверями.

Я могла бы сказать Нине, что мужчина запутался в себе. Что между ними есть притяжение, но он боится ответственности. Что ему нужно время. Что связь не закончена, просто сейчас идёт период переоценки.

Всё это звучало бы так, будто он сидит в тёмной комнате и страдает, а не оставил её сообщения без ответа.

— Я могу посмотреть не на то, что он думает, — написала я. — А на то, что сейчас происходит с тобой.

— А разве это не одно и то же? — спросила она.

Нет, подумала я. Но в этом и была проблема.

Когда я была моложе, мне казалось, что чужие мысли — самое важное место на свете. Если понять, почему человек не позвонил, почему стал реже писать, почему посмотрел сторис и не поставил реакцию, всё остальное будто бы встанет на место. Я могла часами обсуждать интонации и паузы, хотя собственные желания в таких разговорах обычно сидели где-нибудь под столом.

Я тоже ждала одного человека. Он исчезал с такой регулярностью, что этому можно было присвоить расписание. Возвращался с сообщением вроде «Прости, завал», и я принимала его как послание с горы. Не потому, что была глупой. Тогда я очень не хотела знать то, что знала.

Мне было проще считать его растерянным, чем признать: я согласилась на отношения, в которых мне постоянно приходилось угадывать, есть ли они вообще.

Нина написала:«Я не хочу выглядеть навязчивой».

— Ты сейчас больше боишься выглядеть навязчивой или остаться без ответа? — спросила я.

Три точки появились почти сразу, потом исчезли. Снова появились.— И то и другое.

Я поставила на стол старый конверт. На нём когда-то был адрес поставщика трав, но чернила выцвели, и теперь остались только обрывки букв. Бумага была плотная, с коричневыми пятнами по краям. Я хранила такие вещи слишком долго, потому что они напоминали о времени, когда всё казалось значительным. Даже счета.

— Давай сделаем одну вещь, — написала я. — Разделим, что тебе известно, и что ты предполагаешь.

— Это как?

Я перевернула конверт и начертила посередине линию.

Слева написала: «Известно».Под ним: «Он предложил созвониться. Потом не ответил на три сообщения».

Справа: «Предполагается».«Он боится», «он запутался», «он проверяет мои чувства», «он хочет вернуться, но не знает как», «у него проблемы».

Я сфотографировала конверт и отправила ей.— Теперь добавь всё, что приходит в голову.

Ответ пришёл через несколько минут:«Он встретил другую».«Он решил, что я слишком много хочу».«Он специально держит меня рядом».«Он заболел».«Он злится».«Он ждёт, что я напишу ещё».«Он не знает, как сказать, что всё закончилось».

Последнее Нина дописала отдельно:«Он всё ещё любит меня».

Я посмотрела на список и почувствовала знакомое раздражение. Не на Нину. На то, как легко тревога производит версии. Она работает быстрее любого писателя и никогда не страдает от недостатка материала.

— Ни один из этих вариантов мы сейчас не можем проверить, — написала я.— Но какой-то же правильный.— Возможно. Но пока он не станет проверяемым, он остаётся предположением.

— То есть ты ничего не видишь?

Я усмехнулась.— Вижу, что ты ждёшь ответа и из-за этого пытаешься жить внутри его головы.

После этого она долго молчала.

Я тоже.

В мастерской тикали часы. Они отставали на семь минут, но я не исправляла их уже два месяца. Время, которое показывали эти часы, было не более правдивым, чем всё, что я могла рассказать о мужчине по трём картам. Однако часы хотя бы честно предупреждали: они показывают приблизительно.

Нина позвонила поздно вечером.— Я не понимаю, что мне делать, — сказала она вместо приветствия.

Голос у неё был усталый, но не драматичный. Мне всегда было проще говорить с людьми, которые не плачут в первые двадцать секунд. Не потому, что их боль меньше, а потому,

что я не успеваю почувствовать себя спасателем.

— Ты уже написала ему три раза, — сказала я. — Сейчас можно не писать ещё.— А если он правда ждёт?— Тогда у него есть твой номер.— А если он решил, что мне всё равно?— Ты написала ему, что не понимаешь, что происходит.— Да.— Значит, ему известно, что тебе не всё равно.

Она замолчала.

Я представила, как она сидит на кровати с телефоном в руке. Возможно, рядом лежит чашка чая, к которой никто не притронулся. Возможно, она открывает его страницу, закрывает, снова открывает. Мне хотелось сказать, что я понимаю её. Я действительно понимала.

Но понимание иногда превращают в разрешение ничего не менять.

— Я могу сказать тебе, что он чувствует, — произнесла я. — Могу придумать убедительную историю. Наверное, даже красивую. Но она не даст тебе его ответа.— А карты?— Карты дадут тебе изображения.— Ты же раньше по ним смотрела.— Раньше я слишком часто путала изображение с доказательством.

На другом конце провода тихо зашуршала ткань.— А если я просто хочу надежду?

Вопрос был честнее всех предыдущих.

Я посмотрела на колоду. Она лежала в стороне, перевязанная выцветшей лентой. Мне нравились эти карты. Я не считала их врагами. Они помогали мне замечать то, что я

не хотела формулировать прямо. Иногда символ давал нужную дистанцию: легче увидеть собственный страх в образе закрытой двери, чем сразу сказать «я боюсь, что меня не выберут».

Но дверь от этого не открывалась.

— Надежда не запрещена, — сказала я. — Только не стоит платить за неё правом ничего не решать.— Это как?— Можно надеяться, что он ответит. И одновременно решить, сколько времени ты готова ждать. Можно признать, что он тебе дорог. И всё равно не отправлять десять сообщений подряд. Можно не знать его мотивов, но знать, подходит ли тебе такое обращение.

Нина вздохнула.— Ты говоришь так, будто всё просто.— Нет. Я говорю так, будто это возможно.

Это были разные вещи.

Мы договорились, что до завтра она не будет писать ему. Не как магическое правило, не как способ заставить его соскучиться и не как игру в недоступность. Просто чтобы вернуть себе несколько часов, не занятых наблюдением за чужим молчанием.

— А завтра? — спросила она.— Завтра решишь, чего хочешь спросить прямо.— А если он так и не ответит?— Тогда это тоже будет информация.

Мне не понравилась собственная фраза. Она звучала слишком аккуратно, будто я взяла её из книги по коммуникации и поставила между нами. Но Нина не возразила.

После звонка я пошла мыть чашки.

Их было две. Одна моя, с трещиной у ручки. Вторая чужая, оставшаяся после визита знакомой на прошлой неделе. Я всё собиралась вернуть её, но не знала как: отправить курьером было неловко, позвонить — ещё неловче, а оставить у себя казалось самым простым. Так у меня накапливались не только чашки, но и незаконченные разговоры.

Я вымыла обе.

Потом открыла ноутбук и перечитала старые переписки. Не с Ниной — свои.

В одном сообщении я писала: «Я просто хочу понять, что между нами происходит».В ответ получала: «Не накручивай себя».Через неделю: «Сейчас не время для серьёзных разговоров».Ещё через две: «Ты слишком много анализируешь».

Он никогда не говорил, что хочет отношений. Не говорил, что не хочет. Он оставлял пространство, в котором я могла строить что угодно. И я строила: причины, препятствия, тайные чувства, будущие разговоры. В этом проекте я была одновременно архитектором, заказчиком и единственным жильцом.

Когда он появлялся, я называла это подтверждением связи.Когда исчезал, называла это испытанием.Когда мне становилось плохо, называла это сильной интуицией.

Я даже однажды спросила у карт, почему он так поступает. Карты ответили очень убедительно: сначала Повешенный, потом Луна, потом Рыцарь кубков. Я сделала вывод, что

он не готов, но чувства у него есть.

Сейчас я думаю, что карты тогда просто отражали мой запрос. Я пришла не за правдой. Я пришла за версией, в которой ожидание имело смысл.

На следующий день Нина написала около десяти утра:«Я не писала ему».

В сообщении не было ни радости, ни гордости. Только короткая фиксация факта.

Я ответила:— Как прошёл вечер?

— Плохо. Но я поела.

Я поставила сердечко, потом убрала его. Сердечко показалось мне слишком похожим на награду за базовую человеческую функцию. Хотя иногда мы настолько отдаляемся от собственной жизни, что ужин действительно требует празднования.

— Что хочешь спросить у него прямо? — написала я.

Она долго формулировала.В итоге получилось:«Ты хочешь продолжать со мной общение или нет? Если не хочешь, скажи прямо. Мне важно понимать, на что я могу рассчитывать».

Нина спросила, не слишком ли это жёстко.

Я перечитала текст.— Нет. Это ясный вопрос.

— А если он скажет, что не знает?— Тогда можно спросить, сколько времени ему нужно. И решить, подходит ли тебе ждать.

— А если он опять промолчит?

Я посмотрела на её вчерашний список. На фразы «он боится», «он запутался», «он всё ещё любит меня».— Тогда не придётся гадать, что он хотел сообщить молчанием.

Она отправила сообщение ближе к полудню.

Я в это время была на работе и пыталась разобраться с таблицей, в которой цифры упорно не сходились. Каждые пять минут проверяла телефон. Это было особенно смешно: я предложила Нине не жить внутри чужой головы, а сама пыталась поселиться в её переписке.

В половине третьего пришёл ответ.

Нина переслала его мне без комментария:«Я не знаю, чего хочу. Мне сейчас сложно. Давай потом поговорим».

Ни признания, ни злодейства. Никакого громкого финала. Просто ещё один коридор, в котором можно было бесконечно стоять и ждать, пока где-нибудь откроется дверь.

Я написала Нине:— Он ответил. Но ясности не дал.— Что мне сказать?

Я хотела предложить готовый текст. У меня таких было множество: спокойные, уважительные, с границами, без давления. Я могла выдать ей три варианта и ещё один — на случай, если он ответит уклончиво.

Но в этот раз остановилась.— Скажи то, что действительно думаешь. Без наказания и без попытки казаться удобной.

Через некоторое время она написала:— Мне жаль, что тебе сложно. Но мне не подходит общение, в котором я постоянно не понимаю, есть ли мы. Если захочешь поговорить

конкретно, напиши. До этого я не буду продолжать переписку.

Нина спросила:— Так можно?

Я посмотрела на экран.— Можно.

Она отправила сообщение.

Мужчина ничего не ответил.

Через час Нина написала:«Мне страшно. Но стало тише».

Я не стала объяснять, что тишина бывает разной. Иногда она означает отсутствие человека. Иногда — отсутствие погони. Иногда в ней впервые слышно собственное дыхание.

Вместо этого я вышла во двор и выбросила засохшую мяту. Она давно потеряла запах, но я продолжала держать её под потолком, потому что когда-то она была свежей.

Вернувшись, я достала старый конверт. На одной его стороне остались два столбца: «известно» и «предполагается». Я добавила третий.«Что я могу сделать».

Под ним написала:«Не обещать чужого ответа».Потом подумала и дописала:«Не называть ожидание интуицией только потому, что мне хочется, чтобы оно оказалось правдой».

Карты лежали рядом. Я могла вытянуть одну, чтобы узнать, чем всё закончится. Могла спросить, вернётся ли он, есть ли у этой связи будущее и почему человек пишет «давай потом», когда мог бы написать что-нибудь, похожее на решение.

Но я не стала.

Не потому, что перестала верить в символы. Просто ино-

гда самый честный расклад состоит из трёх картинок: сообщение, на которое не ответили; вопрос, который всё-таки задали; и телефон, отложенный экраном вниз.

В тот вечер я поняла, что устала не от людей.

Я устала помогать им украшать ожидание.

И, если быть честным, ещё больше я устала украшать собственное.

Телефон лежал на столе, тёмный и спокойный. На экране не было новых уведомлений, и это вдруг показалось не провалом, а пространством.

Я открыла заметки и начала писать. Не расклад и не толкование. Просто мысль, которая не пыталась никого спасти: «Иногда отсутствие ответа — это и есть ответ. И с этим можно что-то делать».

Сначала я хотела сохранить текст в черновиках, чтобы потом, когда станет легче, разобрать его и забыть. Но пальцы сами добавили заголовок и пометку «для блога».

Так появилась первая запись для «Опять ретроград»

Глава 3.

Почему я всё-таки открыла ВКонтакте

Социальные сети я недолюбливала за необходимость выглядеть живее, чем чувствуешь себя в четверг.

В четверг мне хотелось снять лифчик, разогреть картошку и минут сорок не быть человеком, к которому есть вопросы. Социальные сети предлагали вместо этого показать аудитории мой путь.

Путь лежал от холодильника до дивана. Аудитория в лице засохшего фикуса наблюдала его ежедневно и, судя по состоянию листвы, не вдохновлялась.

Телефон завибрировал, когда я стягивала второй сапог.

«А как понять, это предчувствие или я себя накручиваю?»

Я села на табуретку в прихожей. Один сапог остался на ноге.

Похожее сообщение уже приходило во вторник. И в субботу. Формулировки менялись: тяжёлая энергия, странное чувство, сон, после которого весь день не по себе. Я начинала отвечать, спрашивала, что случилось, стирала слишком уверенные слова. На каждый такой разговор уходило полвечера.

В этот раз я открыла заметки, чтобы найти старый ответ, и обнаружила сорок три незаконченных текста.

«Про тревогу».

«Про тревогу нормально».

«Про тревогу без этой херни».

«Новый текст 6».

Последний начинался словами: «Для начала неплохо бы поесть». Дальше шли два абзаца, с которыми я была согласна, и восемь пустых строк. А в самом конце списка лежал тот самый черновик — «Иногда отсутствие ответа — это и есть ответ» — с пометкой «для блога», которую я поставила в ночь после разговора с Ниной и с тех пор старалась не замечать.

Я сняла сапог.

На кухне пахло холодной картошкой и полотенцем, которое давно следовало отправить в стирку. Из мастерской виднелся край стола со старым конвертом. За несколько дней конверт оброс бумагами, как всё полезное в моём доме.

Я вытащила его.

«Что я могу сделать».

Под этой надписью я зачем-то нарисовала маленькую звезду. Даже простейший вопрос не мог обойтись без художественного сопровождения.

Впервые завести блог мне предложили года за три до этого.

— Ты всё равно постоянно кому-нибудь что-нибудь объ-

ясняешь, — сказала приятельница. — Напиши один раз.

Я ответила, что не хочу превращать ремесло в контент.

Звучало достойно. Можно было вышить на льне и повесить над местом, где я бесплатно отвечала на одни и те же сообщения до половины второго ночи.

Потом предлагали ещё. Я находила новые причины: нет времени, не люблю фотографироваться, не понимаю алгоритмы, не умею писать коротко. Последнее было правдой. На вопрос «во сколько встретимся?» я иногда отвечала с предысторией.

Но фотографии можно было не выкладывать. Алгоритмы не требовали личного знакомства. Время на переписки у меня почему-то находилось.

Оставалось выяснить, что именно мне так мешает.

Я поставила картошку греться и открыла один из черновиков.

Текст мне понравился. Я даже удивилась: вполне внятный, без лишней важности. В нём было про то, как после неприятного разговора я весь вечер искала подтверждения, что со мной обошлись плохо, вместо того чтобы признаться себе: мне было обидно.

Представила этот текст на своей странице.

Потом представила комментарий: «Автор, а вы сами-то кто такая?»

Картошка тихо взорвалась в микроволновке.

Вот, собственно, и вся причина.

В мастерской никто не мог случайно зайти и обнаружить, что я не особенно убедительна. Здесь я сама выбирала, когда открыть дверь, кому показать записи, какой вопрос оставить без ответа. Даже беспорядок выглядел частью занятия. Человек входил, смотрел на травы под потолком и заранее предполагал, что я знаю нечто такое, на что ему пока не хватает времени.

А текст можно было прочитать без запаха лаванды.

И не согласиться.

Я вытерла микроволновку, поела и решила хотя бы посмотреть, как создают сообщества.

Это была осторожная формулировка. Люди многое делают под видом «только посмотрю». Покупают неудобные туфли, пишут бывшим, заводят вторую кошку.

Через двадцать минут у меня было сообщество без названия.

С названием я провозилась ещё час.

«Мастерская внутренней алхимии» выглядела так, будто на входе выдавали сертификат и брали слишком много денег.

«Травы, карты, смыслы» напоминало перечень товаров, из которых смыслы неизменно отсутствовали на складе.

Просто своё имя я вводить побоялась.

Потом пришло уведомление из рабочего чата. Коллега прислала исправленный файл и написала:

«У меня сегодня всё зависает. Опять ретроград, что ли».

Я посмотрела на сообщение, потом на пустое поле.

«Опять ретроград».

Удобное название. Его можно было произнести, глядя на сломанный принтер, неотправленный отчёт или собственную руку, которая в третий раз тянется проверить чужой статус.

Я нажала «Создать».

Ничего не произошло.

Точнее, появилась страница. Но ни испуга, ни облегчения я не почувствовала. Экран предлагал добавить фотографию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.